

ВИКТОР
ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНТАПУР



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКИЙ МИР»
1961



ДЕНИСКИНЫ
РАССКАЗЫ





ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКИЙ МИР“
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР
МОСКВА • 1961

Художники
М. Скобелев
А. Елисеев

СИНИЙ КИНЖАЛ



Это дело было так: у нас был урок — труд. Раиса Ивановна сказала, чтобы мы сделали каждый по отрывному календарю, кто как сообразит. Я взял картонку, оклеил её зелёной бумагой, посредине прорезал щёлку, к ней прикрепил спичечную коробку, а на коробку положил стопочку белых листиков, подогнал, подклеил, подровнял и на первом листке написал «С Первым маем».

Получился очень красивый календарь для маленьких детей. Если, например, у кого куклы, то для этих кукол. В общем игрушечный. И Раиса Ивановна поставила мне пять.

Она сказала:

— Мне нравится.

И я пошел к себе, и сел на место. И в это время Лёвка Бурин тоже стал сдавать свой календарь, а Раиса Ивановна посмотрела на его работу и говорит:

— Наляпано.

И поставила Лёвке тройку.

А когда наступила перемена, Лёвка остался сидеть на скамейке. У него был довольно-таки невесёлый вид. А я в это время как раз промокал кляксу, и когда увидел, что Лёвка такой грустный, я прямо с промокашкой в руке пошёл к Лёвке. Я хотел его развеселить, потому что мы с ним дружим, и он один раз подарил мне монетку с дыркой. И ещё он обещал принести мне стреляную охотничью гильзу, чтобы я из неё сделал атомный телескоп.

Я подошёл к Лёвке и сказал:

— Эх ты, Ляпа!

И соорудил ему косые глаза.

И тут Лёвка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку. Вот когда я понял, как искры из глаз летят. Я страшно разозлился на Лёвку и треснул его изо всех сил промо-

кашкой по шее. Но он, конечно, даже не почувствовал, а схватил свой портфель и пошёл домой. А у меня даже слёзы капали из глаз, — так здорово поддал мне Лёвка, — капали прямо на промокашку и расплывались на ней, как бесцветные кляксы...

И тогда я решил Лёвку убить. После школы я целый день сидел дома и готовил оружие. Я взял у папы с письменного стола его синий разрезальный нож из пластмассы и целый день точил его о плиту. Я его упорно точил,







терпеливо, но он очень медленно затачивался, а я всё точил и всё думал, как я приду завтра в класс и мой верный синий кинжал блеснёт перед Лёвкой, я занесу его над Лёвкиной головой, а Лёвка упадёт на колени и будет умолять меня даровать ему жизнь, и я скажу:

— Извинись!

И он скажет:

— Извини!

А я засмеюсь громовым смехом, вот так:

— Ха-ха-ха-ха!

И эхо долго будет повторять в ущельях этот зловещий хохот. А девчонки от страха залезут под парты.

И когда я лёг спать, то всё ворочался с боку на бок и вздыхал, потому что мне было жалко Лёв-

ку, хороший он человек, но теперь пусть несёт заслуженную кару, раз он стукнул меня пеналом по голове. И синий кинжал лежал у меня под подушкой, и я сжимал его рукоятку, и чуть не стонал, так что мама спросила:

— Ты что там кряхтишь?

Я сказал:

— Ничего!

Мама сказала:

— Живот, что ли, болит?

Но я ей ничего не ответил, я отвернулся к стенке и стал дышать, как будто я давно уже сплю.

Утром я ничего не мог есть. Только выпил две чашки чаю с хлебом с маслом, с картошкой и сосиской. Потом пошёл в школу. Синий кинжал я положил в портфель, с самого верху, чтоб удобно было достать.

И перед тем, как войти в класс, я долго стоял у дверей и не мог войти, так сильно билось сердце. Но всё-таки я себя переборол, толкнул дверь и вошёл. В классе всё было как всегда, и Лёвка стоял у окна с Валериком. Я его как увидел, сразу стал расстёгивать портфель, чтобы достать кинжал. Но Лёвка в это время побежал ко мне. Я подумал, что он опять стукнет меня пеналом или чем-нибудь ещё, и стал ещё быстрее расстёгивать портфель, но Лёвка вдруг остановился около меня и как-то затоптался на месте, а потом вдруг наклонился ко мне близко-близко и сказал:

— На!



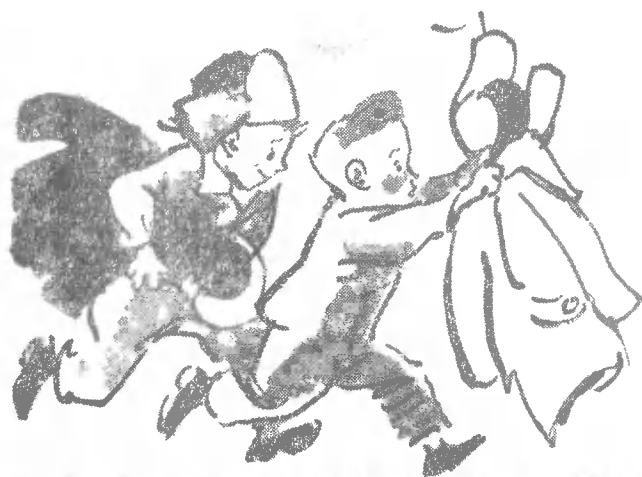
И он протянул мне золотую стреляную гильзу. И глаза у него стали такие, как будто он ещё что-то хотел сказать, но стеснялся, а мне вовсе и не нужно было, чтобы он говорил, просто я вдруг совершенно забыл, что хотел его убить, как будто и не собирался никогда, даже удивительно.

Я сказал:

— Хорошая какая гильза.

Взял её. И пошёл на своё место.





РОВНО
25 кило

Ура! Нам с Мишкой дали пригласительный билет в клуб «Металлист», на детский праздник. Это тётя Дуся постаралась, она в этом клубе главная уборщица. Билет-то она нам дала один, а написано на нём: «На два лица». На моё, значит, лицо и на Мишкино. Мы с ним очень обрадовались, тем более, это недалеко от нас, за углом. Мама сказала:

— Вы только там не балуйтесь.

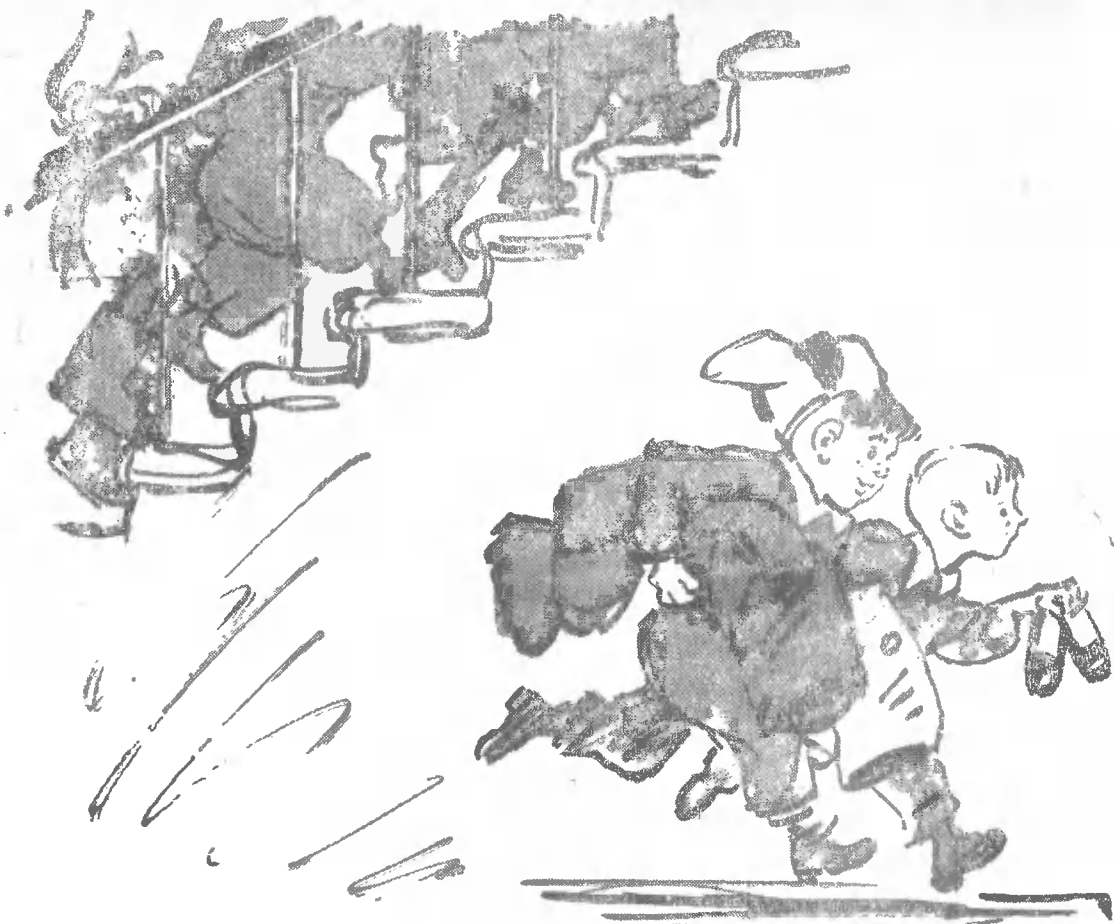
И дала нам денег, каждому по пятнадцать копеек.

И мы пошли с Мишкой.

Там в раздевалке была страшная толчея и очередь. Мы с Мишкой встали самые последние, и очередь чересчур медленно двигалась. Но вдруг наверху заиграла музыка, и мы с Мишкой заматались из стороны в сторону, чтобы поскорее сдать пальто, и многие ребята тоже, как только услышали эту музыку, заматались, как подстреленные, и даже стали реветь, что они опаздывают на самое интересное.

Но тут, откуда ни возьмись, выскочила тётя Дуся.

Она закричала:



— Дениска с Мишкой! Вы чего там колготитесь-то? Сюда айда-те!

И мы побежали к ней, а у неё свой отдельный кабинет под лестницей, там щётки стоят и вёдра. Тётя Дуся взяла наши вещи и сказала:

— Здесь и оденетесь, чертенята!

И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки вверх. Ну а там, действительно, было красиво! Ничего не скажешь! Все потолки были увешаны разноцветными бумажными лентами и фонариками, всюду горели красивые лампы



из зеркальных осколков, играла музыка, и в толпе ходили наряженные артисты; один играл на трубе, другой на барабане. Одна тётенька была одета, как лошадь, и зайцы тоже были, и красивые зеркала, и петрушка.

А в конце зала была ещё одна дверь, и на ней было написано «Комната аттракционов».

Я спросил:

— Это что такое?

А Мишка сказал:

— Это разные затеи.

И правда, там были разные затеи. Например, там висело яблоко на нитке, и надо было заложить руки за спину и так, без рук, это яблоко грызть. Но оно вертится на нитке и никак не даётся. Это очень трудно и даже обидно. Я два раза хватал это яблоко руками и кусал.

Но мне не давали его сгрызть, а только смеялись и отнимали. Ещё там была стрельба из лука, а на конце стрелы не наконечник, а резиновая нашлёпка, она присасывается, и вот, кто попадёт в картонку, в центр, где нарисована обезьяна, тому приз — хлопушка с секретом.

Мишка стрелял первый, он долго метился, а когда выстрелил, то разбил одну далёкую лампу, а в обезьяну не попал..

Я говорю:

— Эх ты, стрелок!



А он:

— Это я ещё не пристрелялся! Если б дали пять стрел, я бы пристрелялся. А то дали одну,— где тут попасть!

Я повторяю:

— Давай, давай! Гляди-ка, как я сейчас же попаду в обезьяну!

И дяденька, который распоряжался этим луком, дал мне стрелу и говорит:

— Ну стреляй, снайпер!

И сам пошёл поправить обезьяну, потому что она как-то покосилась. А я уже прицелился и всё ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я всё время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьяну»,— и вдруг стрела сорвалась и — хлоп! — вонзилась дяденьке в лопатку. И там, на лопатке, затрепетала.

Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька обернулся, как ужаленный, и закричал:

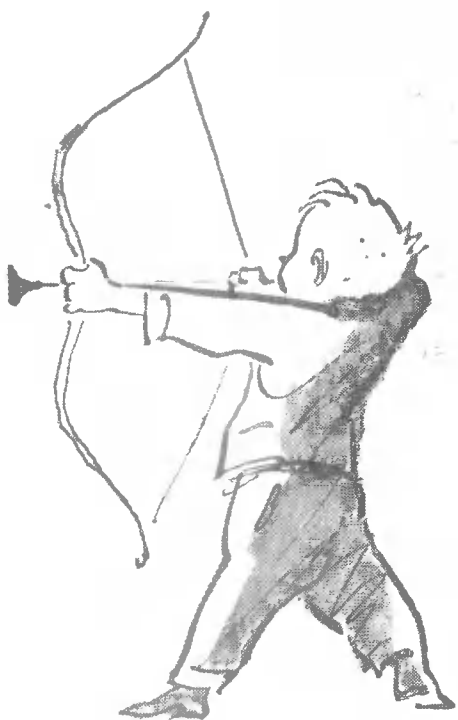
— Что тут смешного? Не понимаю! Уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!

Я сказал:

— Я не нарочно!— и ушёл от этого места.

Просто удивительно, как нам не везло, и я был очень сердитый, и Мишка, конечно, тоже.

И вдруг, видим, стоят весы. И к ним небольшая, весёлая очередь, которая быстро движется, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун.



Я спрашиваю:
— Это что за весы?

А мне говорят:

— Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется двадцать пять кило весу, тогда твоё счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка».

Я говорю:

— Мишка, давай попробуем?

Гляжу, а Мишки нет. И куда он подевался, неизвестно. Я решил один попробовать. А вдруг я вешу ровно 25 кило? Вот будет удача!..

А очередь всё двигается, и клоун в шапке ловко так щёлкает рычажками и всё шутит да шутит:

— У вас семь кило лишних — меньше кушайте мучного! — щёлк-щёлк. — А вы, уважаемый товарищ, ещё мало каши ели, и всего-то вы тянете девятнадцать килишек! Заходите через годик! — щёлк-щёлк.

И так далее, и все смеются, и отходят, и очередь движется, и никто не весит ровно двадцать пять кило, и вот доходит дело до меня.

Я влез на весы, рычажки щёлк-щёлк, и клоун говорит:

— Ого! Знаешь игру в горячо-холодно?

Я говорю:

— Кто ж не знает.

Он говорит:

— У тебя довольно горячо получилось. Твой вес двадцать четыре кило



пятьсот граммов. Не хватает ровно полкило. А жаль. Будь здоров!

Подумать, всего только полкило не хватает! У меня совсем настроение испортилось. Вот какой день невезучий!

И тут появляется Мишка.

Я говорю:

— Где это ваша милость пропадала?

Мишка говорит:

— Ситро пил.



Я говорю:

— Хорош, нечего сказать. Я тут стараюсь «Мурзилку» выигрывать, а он ситро пьёт.



И я ему всё рассказал. Мишка говорит:

— А ну-ка я!

И клоун щёлкнул рычажком и захохотал:

— Небольшой перебор-с! Двадцать пять кило пятьсот граммов. Вам надо похудеть. Следующий!



Мишка слез и говорит:

— Эх, зря я сидро пил...

Я говорю:

— А при чём здесь сидро?

А Мишка:

— Я целую бутылку выпил! Понимаешь?

Я говорю:

— Ну и что?

Мишка даже разозлился:

— Да разве ты не знаешь, что в бутылке помещается ровно поллитра воды?

Я говорю:

— Знаю. Ну и что?

Тут Мишка прямо зашипел:

— А пол-литра воды это и есть полкило. Пятьсот граммов! Если бы я не пил, я бы весил ровно двадцать пять кило!

Я говорю:

— Ну да?!

Мишка говорит:

— Вот то-то и оно-то!

И тут меня словно осенило:

— Мишка, — сказал я, — а Мишка! «Мурзилка» — наш!

Мишка говорит:

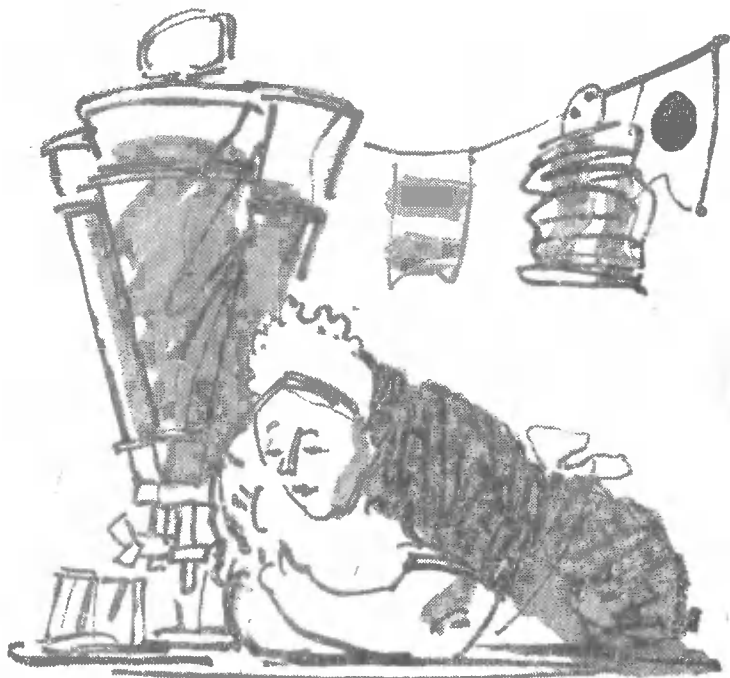
— А каким образом?

Я говорю:

— А таким. Пришло моё время сидро пить. У меня как раз пятьсот граммов не хватает!

Мишка даже подскочил:

— Всё ясно, бежим в буфет!



И мы быстро купили бутылку воды, продавщица её откупорила, а Мишка спросил:

— Тётя, а в бутылке всегда ровно пол-литра, недолива не бывает?

Продавщица покраснела:

— Ты ещё маленький такие глупости мне говорить!

Я взял бутылку, сел за столик и начал пить. Мишка стоял рядом и смотрел. Вода была очень холодная. Но я выпил полный стакан просто залпом. Мишка сейчас же налил мне второй, но там ещё осталось на дне, довольно много, и мне уже не хотелось больше пить.

Мишка сказал:

— Давай не задерживай.

А я сказал:

— Уж очень холодная. Как бы ангину не схватить.

Мишка говорит:

— Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да?

Я говорю:

— Это ты, наверно, струсил.

И стал пить второй стакан. Он довольно трудно в меня лился. Я, как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краёв.

Я говорю:

— Стоп, Мишка! Больше не войдёт!

Он говорит:

— Войдёт, войдёт. Это только так кажется! Пей.

Я попробовал ещё. Не лезет.

Мишка говорит:

— Ты чего расселся, как барон? Ты встань, тогда влезет!

Я встал. И, правда, допил стакан, каким-то чудом. А Мишка сейчас же налил мне всё, что оставалось в бутылке. Получилось больше чем полстакана.

Я говорю:

— Я сейчас лопну.

Мишка говорит:

— А как же я не лопнул? А ведь тоже думал, что лопну. Давай поднажми.

Я говорю:



—Мишка. Если. Я. Лопну. Ты. Будешь. Отвечать.

Он говорит:

—Хорошо. Пей давай.

И я опять стал пить. И всё выпил. Просто чудеса какие-то! Только я говорить не мог. Потому что вода перелилась уже выше горла и булькала во рту. И понемножку выливалась из носа.

И я побежал к весам. Клоун не узнал меня. Он сделал «щёлк-щёлк» и вдруг закричал на весь зал:

—Уррря! Есть! Точно!!! Тютелька в тютельку. Годовая подписка на «Мурзилку» выиграна! Она досталась мальчику, который весит ровно двадцать пять килограммов. Вот квитанция, сейчас я её заполню. Похлопаем!

Он взял мою левую руку и поднял её вверх, и все

захлопали, и клоун спел туш! Потом он взял вечное перо и сказал:

— Ну! Как тебя зовут? Имя и фамилия? Отвечай!

Но я молчал. Я был наполненный и не мог говорить.

Тут Мишка закричал:

— Его зовут Денис. Фамилия Кораблёв! Пишите, я его знаю!

Клоун протянул мне заполненную квитанцию и сказал:

— Скажи хоть спасибо!

Я мотнул головой, а Мишка опять закричал:

— Это он говорит «Спасибо». Я его знаю!

А клоун говорит:

— Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит, как будто воды в рот набрал!

А Мишка говорит:

— Не обращайтесь внимания, он застенчивый, я его знаю!

И он схватил меня за руку и поволок вниз.

И я на улице немножко отдышался. Я сказал:

— Мишка, мне как-то не хочется нести эту подписку домой, раз во мне только двадцать четыре с половиной кило.

А Мишка говорит:

— Тогда отдай мне. Во мне-то аккуратно двадцать пять. Если б я не пил ситро, я бы сразу её получил. Давай сюда.

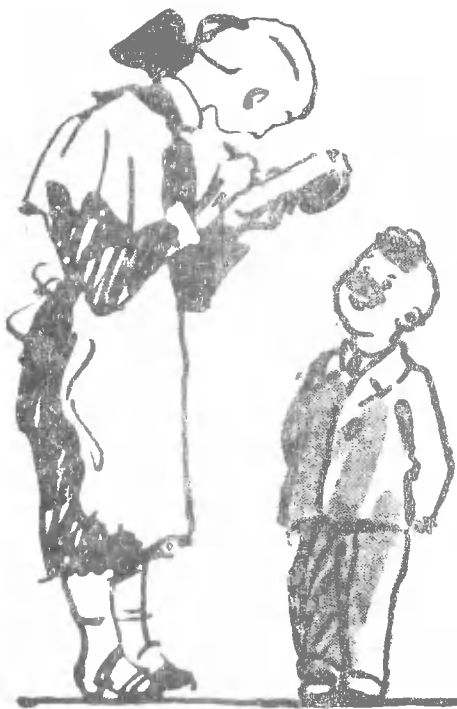
Я говорю:

— Что ж я, по-твоему, напрасно страдал? Нет, уж пусть она будет наша общая — напололам!

Тогда Мишка сказал:

— Правильно.





ГДЕ ЭТО
ВИДАНО,
ГДЕ ЭТО
СЛЫХАНО?

На перемене подбежала ко мне наша октябрятская вожакая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатириками. Хочешь?

Я говорю:

— Я 'всё хочу! Только ты объясни, что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить, понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них действует отрезвляюще!

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяя.

Люся засмеялась:

— Это так говорится «отрезвляюще». А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни, хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

Я сказал:

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

Я говорю:

— Товарищ у меня есть.

Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

Я говорю:

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

Я говорю:

— Очень тихо. Но я научу его петь погромче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

Я сказал:

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:





— Погоди, дай доесть.

Я стоял и смотрел, как он ест: сам маленький, сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезал, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок, и я не выдержал и сказал тёте Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее.

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку, мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий

пахучий сок, и мы с Мишкой так грызли на пару и обжигались и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал, на репетицию.

Там уже сидела наша октябратская вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно, из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

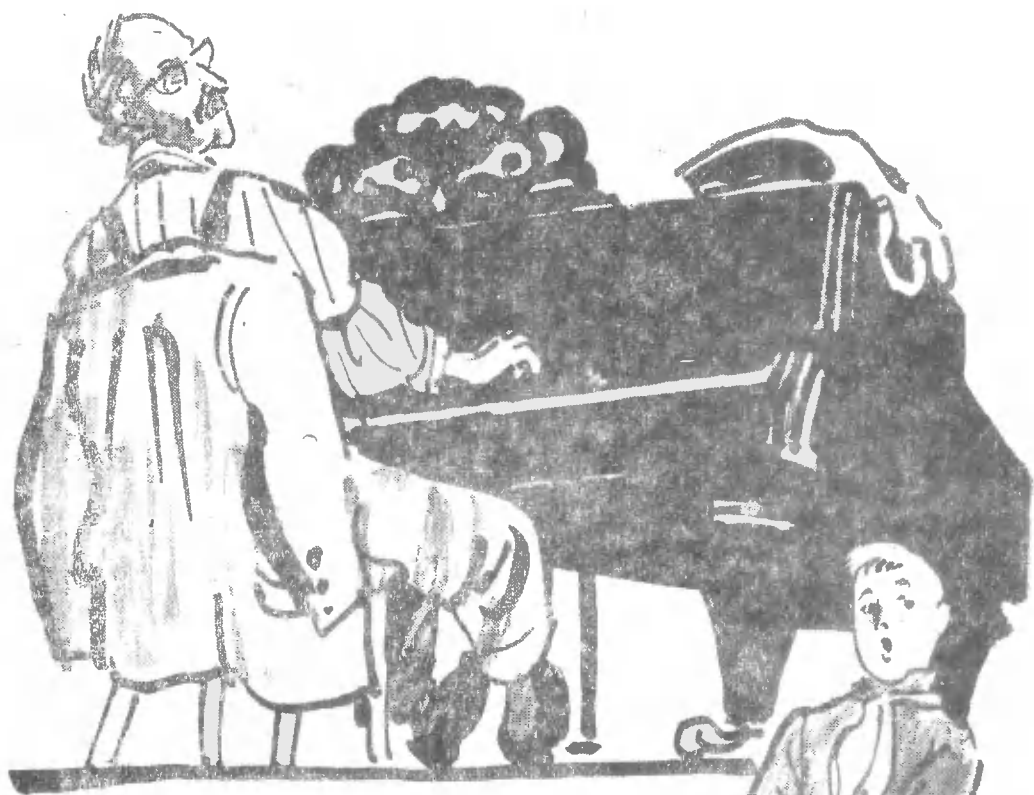
Мы сказали:

— Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?



Она ответила:
— Да!
Он сказал:
— Неужели ничего не было покрупней?
Люся сказала:
— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:
— Ну-те-с, — начинаем! Где стихи?



А Борис Сергеевич сказал:

— Ну-те-с — кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой.

— Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши довольно хороший слух... правда, Дениска поёт не очень-то верно!..

Я сказал:

— Зато громко!

И мы начали повторять эти стихи под музыку, и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

Внимание! Сегодня на большой перемене в малом зале состоится выступление летучего патруля «Пионерского Сатирикона»! Исполняет дуэт малышей! На злобу дня! **Приходите все!**

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно. Я сказал:

— Ну? Сегодня выступаем!

А Мишка вдруг проямлил:

— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегают как один?

Я сказал:

— Ты что, обалдел, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. А на большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время прибежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля; а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы. Мы с Мишкой встали около рояля. Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперед. Мишка был белый, как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати?

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова. Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и, наконец, запел:

«Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год».



Я сразу подхватил и прокричал:
«Где это видано, где это слы-
хано, —

Папа решает, а Вася сдаёт?»

Все, кто был в зале, засмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

«Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год».

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

«Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?»

Слава богу, в зале было тихо, все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт!»

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый. И, когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

«Папа у Васи силён в ма-
тематике,
Учится папа за Васю весь
год.»

Мне ужасно захотелось треснуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

«Где это видано, где это
слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?»





— Мишка, ты видно совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю!

И вежливо говорит Борис Сергеевичу:

— Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил, как ни в чём не бывало:

«Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год!»

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто удивляется, что у него мозга за мозгу заскочила. Ну, а я, пока суд да дело, выкрикиваю:

«Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!»

Тут уже началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовый. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе.

Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё-всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже



выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

«Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год!..»

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха, и няни, и учителя, все-все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни, я, наверно, бы умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!





ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Один раз мы всем классом пошли в цирк. Я очень радовался, когда шёл туда, потому что мне уже скоро восемь лет, а я был в цирке только один раз, и то очень давно. Главное, Алёнке всего только шесть лет, а вот она уже успела побывать в цирке целых три раза. Это очень обидно. И вот теперь мы всем классом шли в цирк, и я думал, как хорошо, что я уже большой, и что сейчас, в этот раз, всё увижу как следует. А в тот раз я был маленький, я не понимал, что такое цирк, и, когда на арену вышли акробаты и один полез на голову другому, я ужасно расхохотался, потому что подумал, что это они нарочно делают, для смеху, ведь дома я никогда не видел, чтобы взрослые дядьки карабкались друг на друга. И на улице тоже этого не случалось. Вот я и смеялся во весь голос. Я не понимал, что это артисты пока-

зывают свою ловкость. И ещё в тот раз я всё больше смотрел на оркестр, как они играют, кто на барабанах, кто на трубе, и дирижёр машет палочкой, и никто на него не смотрит, а все играют, как хотят. Это мне очень понравилось, но пока я смотрел на этих музыкантов, в середине арены выступали артисты. И я их не видел и пропускал самое интересное. Конечно, я в тот раз ещё совсем глупый был.

И вот мы пришли всем классом в цирк. Мне сразу понравилось, что он пахнет чем-то особенным, и что на стенах висят яркие картины, и кругом светло, и в середине лежит красивый ковёр, а потолок высокий, и там привязаны разные блестящие качели. И в это время заиграла музыка, и все кинулись рассаживаться, а потом накупили эскимо и стали есть. И вдруг из-за красной занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых очень красиво в красные костюмы с жёлтыми полосками. Они встали по бокам занавески, и между ними прошёл их начальник в чёрном костюме. Он громко и немножко непонятно что-то прокричал, и музыка заиграла быстро-быстро и громко, и на арену выскочил артист жонглёр, и началась потеха! Он кидал шарики, по десять или по сто штук вверх и ловил их обратно. А потом схватил полосатый мяч и стал им играть... Он и головой его подшибал, и затылком, и лбом, и по спине катал, и каблуком наподдавал, и мяч катался по всему его телу как приклеенный. Это было очень красиво. И вдруг жонглёр кинул этот мячик к нам, в публику, и тут уж началась настоящая суматоха, потому что я поймал этот мяч и бросил его в Валерку, а Валерка в Мишку, а Мишка вдруг нацелился и ни с того ни с сего засветил прямо в дирижёра, но в него не попал, а попал в барабан! Бамм! Барабанщик рассердился и кинул мяч обратно жонглёру, но мяч не долетел, он просто угодил одной красивой тётеньке в причёску, и у неё получилась не причёска, а нахлобучка. И мы все так хохотали, что чуть не померли.

И, когда жонглёр убежал за занавеску, мы долго не могли успокоиться. Но тут на арену выкатили огромный голубой шар, и дядька, который объявляет, вышел на середину и

что-то прокричал неразборчивым голосом. Понять нельзя было ничего, и оркестр опять заиграл что-то очень весёлое, только не так быстро, как раньше.

И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких маленьких и красивых никогда не видел. У неё были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье, и у неё были длинные руки, она ими взмахнула, как птица, и вскочила на этот огромный голубой шар, который для неё выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела спрыгнуть с него, но шар завертелся под её ногами, и она на нём вот так, как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены. Я таких девочек никогда не видел. Все они были обыкновенные, а эта какая-то особенная. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вёз её на себе, она могла ехать на нём и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необычно-



венная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты, и она надела их себе на туфельки и на руки и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать, и оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках, и это всё было, как в сказке, и тут ещё потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте, и она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела, и это было









удивительно, я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного.

И когда зажгли свет, все захлопали и завопили «Браво» — и я тоже кричал «Браво», а девочка соскочила со своего шара и подбежала вперёд, к нам поближе, и вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния, и ещё, и ещё раз и всё вперёд, и вперёд и мне показалось, что вот она сейчас разобьётся о барьер, и я вдруг очень испугался и вскочил на ноги, хотел побежать к ней, чтобы подхватить её и спасти, но девочка вдруг остановилась как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. И все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами, и в эту минуту эта девочка посмотрела на меня, и я увидел, что она увидела, что я её вижу, и что я тоже вижу, что она видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. И я опять захотел побежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала нам всем воздушный поцелуй и убежала за красную занавеску, куда убегали все артисты.

И на арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я всё время думал про девочку на шаре, какая она удивительная и как она помахала мне рукой и улыбнулась, и больше уже ни на что я не хотел смотреть. Наоборот, я крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть этого глупого клоуна с его красным носом, потому что он мне портил мою девочку, она всё ещё мне представлялась на своём голубом шаре.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить сидро, а я тихонько спустился вниз и подошёл к занавеске, откуда выходили артисты. Мне очень хотелось ещё раз посмотреть на эту девочку, и я стоял у занавески и глядел — вдруг она выйдет. Но она не выходила.

А после антракта выступали львы, и мне не понравилось, что укротитель всё время таскал их за хвосты, как будто это были не львы, а дохлые кошки. Он заставлял их пересаживаться с места на место или укладывал их на пол рядом и ходил по львам ногами, как по ковру, а у них был такой вид, что вот им не дают лежать спокойно. Это было неинтересно, потому что лев должен охотиться и гнаться за бизоном в бескрайних пампасах, оглашая окрестности грозным рычанием, приводящим в трепет туземное население, а так получается не лев, а просто я сам не знаю что.

И когда кончилось и мы пошли домой, я всё время думал про девочку на шаре, а вечером папа спросил:

— Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

— Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Такая славная, лучше всех! Она мне улыбнулась и махнула рукой! Мне одному, честное слово! Понимаешь, папа? Пойдём в следующее воскресенье в цирк? Я тебе её покажу?

Папа сказал:

— Обязательно пойдем. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

...И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и всё равно каждый

день думал, когда же придёт воскресенье и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре и покажу её папе и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг, и нарисую корабль на всех парусах.

Но в воскресенье папа не смог идти, к нему пришли товарищи, они копались в каких-то чертежах и кричали, и курили, и пили чай, и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова, а папа сказал мне:

— В следующее воскресенье... Даю клятву Верности и Чести.

И я так ждал следующего воскресенья, что даже не помню, как прожил ещё одну неделю. И папа сдержал своё слово, он пошёл со мной в цирк, и купил билеты во второй ряд, и я радовался, что мы так близко сидим, и представление началось, и я начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но человек, который объявляет, всё время объявлял разных других артистов, и они выходили и выступали по-всякому, а девочка всё не появлялась. А я прямо дрожал от нетерпения, мне очень хотелось, чтобы папа увидел, какая она необыкновенная в своём серебряном костюме с воздушным плащом, и как она ловко бегаёт по голубому шару. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

— Сейчас он объявит её!

Но он, как назло, объявлял кого-нибудь другого, и у меня даже ненависть к нему появилась, и я всё время говорил папе:

— Да ну его! Это ерунда на постном масле! Это не то! А папа говорил, не глядя на меня:

— Не мешай, пожалуйста. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке, раз это ему интересно. Посмотрим, что он запоёт, когда увидит девочку на шаре. Небось подскочит на своём стуле на два метра в высоту...

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

— Ант-пра-кт!

Я просто ушам своим не поверил! Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы? А где же моя девочка на шаре? Где она? Почему она не выступает? Может быть, она заболела? Может быть, она упала, и у неё сотрясение мозга?

Я сказал:

— Папа, пойдём скорей, узнаем, где же девочка на шаре?

Папа ответил:

— Да, да! А где же твоя эквилибристка? Что-то не видать! Пойдем-ка купим программку!..

Он был весёлый и довольный. Он оглянулся вокруг, засмеялся и сказал:

— Ах, люблю... Люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит...

И мы пошли в коридор. Там толклось много народу, и продавали конфеты и вафли, и на стенках висели фотографии разных тигриных морд, и мы побродили немного и нашли, наконец, контролёршу с программками. Папа купил у неё одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролёрши:

— Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

Она сказала:

— Какая девочка?

Папа сказал:

— В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролёрша сказала:

— Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Уехала. Что ж вы поздно хватились?

Я стоял и молчал.

Папа сказал:

— Мы уже две недели не знаем покоя. Хотим посмотреть эквилибристку Т. Воронцову, а её нет.

Контролёрша сказала:

— Да она уехала... Вместе с родителями...



Родители у неё Бронзовые люди — 2 Яворс, может слыжали? Очень жаль. Вчера только уехали.

Я сказал:

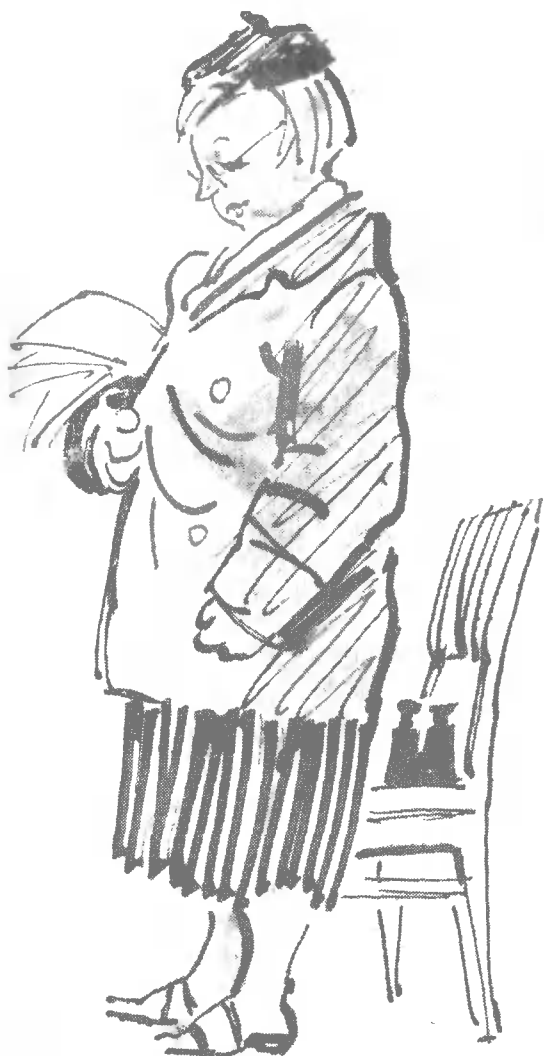
— Вот видишь, папа...

Он сказал:

— Я не знал, что она уедет! Как жалко... Ох ты боже мой... Ну что ж... Ничего не поделаешь...

Я спросил у контролёрши:

— Это, значит, точно?



Она сказала:

— Точно.

Я сказал:

— А куда, неизвестно?

Она сказала:

— Во Владивосток.

Вон куда. Далеко. Владивосток. Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

Я сказал:

— Какая даль.

Контролёрша вдруг заторопилась:

— Ну идите, идите на места, уже гасят свет!

Папа подхватил:

— Пошли, Дениска! Сейчас будут львы! Косматые, рычат!

Я сказал:

— Пойдем домой, папа.

Он сказал:

— Вот так раз...

Контролёрша засмеялась. Но мы подошли к гардеробу, и я протянул номер, и мы оделись, и вышли из цирка. Мы

пошли по бульвару, и шли так довольно долго, потом я сказал:
— Владивосток — это на самом конце карты. Туда, если поездом, целый месяц проедешь...

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли ещё немного, и я вдруг вспомнил про самолёты и сказал:

— А на ТУ-104 за три часа и там!

Но папа всё равно не ответил. Он крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

— Зайдём в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

— Не хочется что-то, папа.

Он сказал:

— Там подают воду, называется «Кахетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

— Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шёл очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шёл так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьёзное и грустное лицо.



РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР



Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А папа ответил:

— Да, Алексей Михайлович, нам время тлеть, а этим чертенят — цвести.

Тётя Мила засмеялась и сказала:

— Не болтайте глупости. Иди, Денёк, со мной рядом. Это что за корзинка?

Я сказал:

— Здесь мой пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья, и я быстро разулся и пошёл босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же, как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком; и в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и ещё чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» и тётя Мила сказала:

— Телячий восторг.

И когда мы пришли к ней домой, было уже темно и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку. И я пил чай и клевал носом.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался:

— Дениска, — сказал он, — твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась.

— Потому что он живёт на Севере, — сказала она, — и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А он кто такой?

Алексей Михайлович поднял палец вверх:

— Капитан дальнего плавания — вот он кто такой. Не фунт изюму!

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так, про самое главное вспоминает совершенно случайно!

Я сказал:

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветистая ширма.

— Вот здесь и ложись, — сказала тётя Мила, — раздевайся! А корзинку с твоими пистолетами я повешу у тебя в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего на террасе. Ты знаешь, как папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

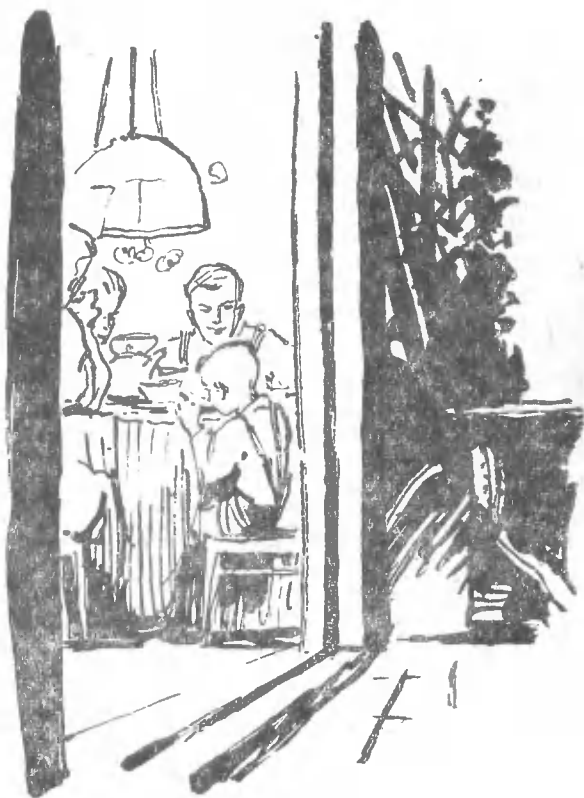
Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улёгся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как они там тихо разговари-





вают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик — именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они там, во время своих рейсов, каждый день насканивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают команду с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», погубить, жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот — мой капитан дальнего плавания, он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое Син-га-пур... Я обязательно попрошу своего дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал и незаметно уснул.

...А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак, так что и теперь тоже нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь...

Я крикнул:

— Тубо! Спать!

И собака сразу заплямкала губами, как будто поперхнулась, и замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на 7, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно, не успел я дойти до семью-семь — сорок семь, как у меня в голове всё закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

—Тубо! Лежать! Спать сейчас же!

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, пойдёт и перестанет на меня рычать! И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил оттуда котлету и два яйца, — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

— Тубо! Есть! И сразу спать!



Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлёпнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

— Ну вот! А теперь: спать!!! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул...

...Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умыться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне было, так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули?

Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил. Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспал весь день... Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошёл к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

— Да, эти сто грамм веснушек, это вот и есть Денис,

только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорово!

И протянул мне руку. Я пожал её. Она была твёрдая, как доска. Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижама какая-то. Ну, а трубка где? Всё равно уж прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь? Не было никакой... Я сел за стол.

— Как спал, Харитоша? — спросила тётя Мила.

— Плохо, — сказал капитан. — Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки 5 дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, и опять крик: «Спать! Лежать!» А в завершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты, яйца что ли, по-моему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слы-



шатся какие-то непонятные слова: не то «Куш!», не то «Апорт!..»

— Тубо! — сказал я. — Тубо! А не апорт! Потому что я думал, там собака... Кто-то так рычал!

Капитан сказал своим басом:

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?..

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан. Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах, как будто песку насыпало, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотреть.

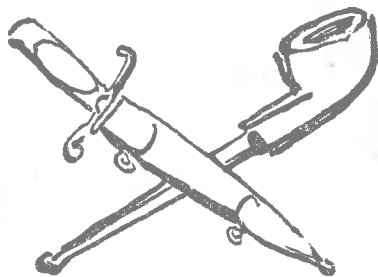
Тогда он сказал:

— Клянусь своим именным кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошёл к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.





ПОЮТ КОЛЁСА-
ТРА-ТА-ТА...

Этим летом папе нужно было съездить по делу в город Ясногорск, и в день отъезда он сказал:

— Возьму-ка я Дениску с собой!

Я сразу посмотрел на маму. Но мама молчала.

Тогда папа сказал:

— Ну что ж, пристегни его к своей юбке. Пусть он ходит за тобой пристёгнутый, до самой свадьбы!

Тут у мамы глаза сразу стали зелёные, как крыжовник. Она сказала:

— Делайте, что хотите! Хоть в Антарктиду!

И вышла из комнаты.

И в этот же вечер мы с папой сели в поезд и поехали. В нашем вагоне было много разного народу, старушки и солдаты, и просто молодые парни, и проводники, и маленькая девочка, и даже полная корзинка кур. И было очень весело

и шумно, и мы открыли консервы, и пили чай из стаканов в подстаканниках, и ели колбасу большими кусками. А потом один парень снял пиджак и остался в майке, у него были белые руки и круглые мускулы, прямо как шары. Он достал с третьей полки гармошку и заиграл, и спел грустную песню про комсомольца, как он упал на траву, возле ног у коня, и закрыл свои карие очи, и красная капля крови стекала на зелёную траву.

Я подошёл к окошку и стоял и смотрел, как мелькают в темноте огоньки, и всё думал про этого комсомольца, что я бы тоже вместе с ним поскакал на разведку, и его, может быть, тогда не убили бы. А потом папа подошёл ко мне, и мы с ним вдвоём помолчали, и папа сказал:

— Не скучай. Мы послезавтра вернёмся, и ты расскажешь маме, как было интересно.

Он отошёл и стал стелить постель, а потом подозвал меня и спросил:

— Ты где ляжешь? К стенке?

Но я сказал:

— Лучше ты ложись к стенке. А я с краю.

Он спросил:

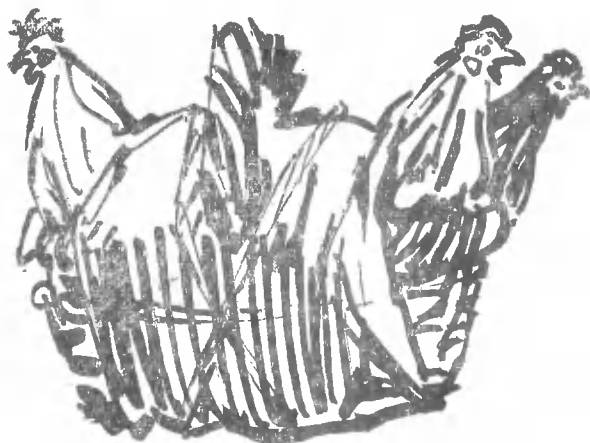
— Почему?

Я ему прошептал:

— Ведь я два стакана чаю выпил. Как ты не понимаешь?

Тут все засмеялись, а папа лёг к стенке, на бок, и я лёг с краю, тоже на бок, и колёса застучали тратата-тратата...

И вдруг я проснулся оттого, что я наполовину висел в воздухе и одной рукой держался за столлик, чтоб не упасть. Видно, папа во сне очень разметался и совсем меня вытеснил с полки. Я хотел устроиться поудобней, но в это время сон с ме-







ня соскочил, и я присел на краешек постели и стал разглядывать всё вокруг себя. В вагоне уже было светло, и отовсюду свисали разные ноги и руки. Ноги были в разноцветных носках или просто босиком, и была одна маленькая девчонская нога, похожая на коричневую чурочку.

Наш поезд ехал очень медленно, и колёса тарахтели за окном, и я увидел, что зелёные ветки касаются наших окон, и получалось, что мы едем, как по лесному коридору, и мне захотелось посмотреть, как оно так выходит, и я побежал босиком в тамбур. Там дверь была открыта настежь, и я ухватился за перильце, сел и осторожно свесил ноги.

Сидеть было холодно, потому что я был в одних трусиках и железный пол меня прямо заохлодил, но потом он согрелся, и я сидел, подсунув руки под мышки, и зелёные листья цепляли меня за колени, и сквозь них светили и прыгали солнечные зайчики, и ветер был слабый, еле-еле дул, а поезд шёл медленно-медленно, он поднимался в гору, колёса тарахтели, и я потихоньку к ним подладился и сочинил песню:





Вот мчится поезд, красота;
Стучат колёса тра-та-та!

И случайно я посмотрел направо и увидел конец нашего поезда, он был полукруглый, как хвост. Я тогда посмотрел налево и увидел наш паровоз, он всю карбкался вверх, как какой-нибудь жук. И я догадался, что здесь поворот.

А рядом с поездом была тропочка совсем узкая, и я увидел, как впереди, по этой тропочке, идёт человек. Издалека мне показалось, что он совсем маленький, но поезд всё-таки шёл побыстрее его, и я постепенно увидел, что он большой и на нём голубая рубашка, и что он в тяжёлых сапогах. По этим сапогам было видно, что он уже устал идти. Он держал что-то в руках. Когда поезд его догнал, этот дядька вдруг спустился со своей тропочки и побежал рядом с поездом, сапоги его хрупали по камешкам, и камешки разлетались из-под тяжёлых сапог в разные стороны. И тут я поравнялся с ним, и он протянул мне решето, затянутое полотенцем, и всё бежал рядом со мной, и лицо у него было красное и мокрое. Он крикнул:



— Держи решето, малый! — и

ловко сунул мне его на колени. Я вцепился в это решето, а дядька ухватился за перильце, подтянулся, вскочил на подножку и сел рядом со мной. Он вытер лицо рубашкой и сказал:

— Еле взлез. Будь оно проклято!

Я сказал:

— Нате ваше решето.

Но он не взял. Он сказал:

— Тебя как звать?

Я ответил:

— Денис!

Он кивнул головой и сказал:

— А моего Серёнька.

Я спросил:

— Он в каком классе?

Дядька сказал:

— Во вторым.

— Надо говорить — во втором, — сказал я.

Тут он сердито засмеялся и стал стаскивать полотенце с решета. Под полотенцем лежали серебристые листья, и от туда пошёл такой запах, что я чуть не сошёл с ума. А дядька стал аккуратно снимать эти листья один за другим, и я увидел, что это полное решето малины. И хотя она была очень красная, она была ещё и серебристая, седая что ли; и каждая ягодка лежала отдельно, как будто твёрдая. Я смотрел на малину во все глаза.

— Это её холодком прикрыло, притуманило, — сказал дядька, — ешь давай!

И я взял ягоду и съел и потом ещё одну и тоже съел и придавил языком, и стал есть по одной и просто таял от удовольствия, а дядька сидел и смотрел на меня, и лицо у него было такое, как будто я болен и ему жалко меня. Он сказал:

— Ты не по одной. Ты пригоршней.

И отвернулся, наверно, чтоб я не стеснялся. Но я его нисколько не стеснялся, я добрых не стесняюсь, я стал сразу есть пригоршней и решил, что пусть я лопну, но всё равно я эту малину съем всю. Никогда ещё не было так

вкусно у меня во рту и так хорошо на душе. Но потом я вспомнил про Серёньку и спросил у дядьки:

— А Серёнька ваш уже ел?

— Как же не ел, — сказал он, — было, и он ел.

Я сказал:

— Почему же было? А, например, сегодня он уже ел?

Дядька снял сапог и вытряхнул оттуда мелкий камушек.

— Вот ногу мозолит, терзает, скажи ты! А вроде такая малость.

Он помолчал и сказал:

— И душу вот такая малость может в кровь истерзать. Серёнька, браток, теперь в городе живёт, уехал он от меня.

Я очень удивился. Вот так парень! Во втором классе, а от отца удрал! Я сказал:

— А он один удрал или с товарищем?

Но дядька сказал сердито:

— Зачем один? С мамой со своей! Ей, видишь ли, учиться приспичило! У ней там родичи, друзья-приятели разные... Вот и выходит кино: Серёнька в городе живёт, а я здесь, нескладно, а?

Я сказал:

— Не волнуйтесь, выучится на машиниста и приедет!

Подождите.

Он сказал:

— Долго больно ждать.

Я сказал:

— А он в каком городе живёт?

Дядька ответил:

— В Курском.

Я сказал:

— Нужно говорить: в Курске.

Тут дядька опять засмеялся хрипло, как простуженный, а потом перестал. Он наклонился ко мне поближе и сказал:

— Ладно, учёная твоя голова. Я тоже выучусь. Война меня в школу не пустила. Я в твои года кору варил, ел. — И тут он задумался. Потом вдруг встрепнулся и показал

на лес. — Вот в этом самом лесу, браток. А за ним, гляди, сейчас село Красное будет. Моими руками обратно построено. Я там и соскочу.

Я сказал:

— Я ещё одну только горсточку съем, и вы завязывайте свою малину.

Но он придержал решето у меня на коленях:

— Не в том дело. Возьми себе.

Он положил мне руку на голую спину, и я почувствовал, какая тяжёлая и твёрдая у него рука, сухая, горячая и шершавая, а он прижал меня крепко к своей голубой рубашке, и он был весь тёплый, и от него пахло хлебом и табаком, и было слышно, как он дышит медленно и шумно.

Он так подержал меня немножко и сказал:

— Ну, бывай, сынок. Смотри, води хорошо.

Он погладил меня против шерсти и вдруг сразу спрыгнул на ходу, я не успел опомниться, а он уже отстал, и я опять услышал, как хрупают камешки под его тяжёлыми сапогами.

И я увидел, как он стал удаляться от меня и быстро пошёл вверх на подъём, хороший такой человек, в голубой рубашке и тяжёлых сапогах. И скоро наш поезд стал идти быстрее, и ветер стал чересчур сильный, и я взял решето с малиной и понёс его в вагон и дошёл до папы. Малина уже начала оттаивать и не была такая седая, но пахла, всё равно как целый сад. А папа спал, он раскинулся на нашей полке, и мне совершенно негде было приткнуться и некому было показать эту малину и рассказать про дядьку в голубой рубашке и про его сына. В вагоне все спали, и во круг по-прежнему висели разноцветные пятки.

Я поставил решето на пол и увидел, что у меня весь живот, и руки, и колени в красной крови, — это был малиновый сок, и я подумал, что надо сбегать умыться, но вдруг начал клевать носом.

В углу стоял большой чемодан, перевязанный крест-накрест, он стоял торчком, на-попа, мы на нём вчера резали колбасу и открывали консервы. Я подошёл к нему и положил на него локти и голову, и сразу поезд стал особенно



сильно стучать, и я пригрелся, и долго слушал этот стук
и стоя спал, и опять в моей голове запелась песня:

Вот мчится поезд

кра-

со-

та!

Поют колёса —

тра-

та-

та!



РЫЦАРИ



Когда мы спели все песни, наш учитель пения Борис Сергеевич сказал:

— Мальчики, оставайтесь! А девочки могут быть свободны.

И все мы, мальчики, столпились вокруг Бориса Сергеевича. Он подождал, пока девочки вышли из класса, и сказал:

— Мальчики, а вы знаете, какой завтра праздник?

Мы все заорали:

— Знаем, знаем! Восьмое марта! Женский день!

— Правильно, — сказал Борис Сергеевич. — Значит, каждый из вас приготовил подарок своей маме?

— Конечно, — закричали мы, — а как же?

А я сказал:

— Я маме сшил подушечку для иголок! Красивую! На лягушку похожа. Три дня шил. Все пальцы исколол! Я две такие сшил.



А Мишка добавил:

— Да, да! Мы все по две подушечки сшили. Маме одну и Раисе Ивановне другую.

— Это почему же? — сказал Борис Сергеевич — Вы что, сговорились что ли все шить подушечки?

— Да нет, — сказал Валерка, — это мы в кружке «Умелые руки» подушечки проходим. Сперва проходили чёртиков, а теперь подушечки...

— Каких ещё там чёртиков? — спросил Борис Сергеевич.



Я сказал:

— Пластилиновых. Наши руководители Володя и Толя из девятого класса полгода с нами чёртиков проходили. Как придут, так сейчас:

— Лепите чёртиков!

Ну, мы лепим, а они в шахматы играют.

— С ума сойти, — сказал Борис Сергеевич сердито. — Подушечки... Придётся разобратся! Стойте! — и он вдруг весело рассмеялся. — А сколько же вас, мальчишек, во втором «В»?



Мишка сказал:

— Пятнадцать. А девчонок двадцать пять!

Тут Борис Сергеевич прямо покатился от смеха, а мы смотрели на него во все глаза. Что ж тут смешного, что мальчишек пятнадцать, а девчонок двадцать пять?

Я сказал:

— У нас в стране вообще женского населения больше, чем мужского. Это по переписи известно.

Но Борис Сергеевич отмахнулся от меня:

— Я не про то. Просто мне интересно посмотреть, как Раиса Ивановна получит пятнадцать подушечек. Ну ладно, теперь слушайте: кто из вас собирается поздравить девочек своего класса с Восьмым марта?

Тут пришла наша очередь смеяться:

— Ещё чего!

Я сказал:

— Вы, Борис Сергеевич, наверное, шутите, да? Не хватало ещё девчонок поздравлять!

Но Борис Сергеевич перестал смеяться.

— А вот и неправильно, — именно что необходимо поздравить ваших одноклассниц. Это будет с вашей стороны очень по-рыцарски. Кто знает, что такое рыцарь?

Я сказал:

— Он на лошади и в железном костюме.

Борис Сергеевич кивнул:

— Да, так было давно. И вы, когда подрастёте, прочтёте множество интересных книжек про рыцарские приключения. Но знайте: и сейчас, если про кого-нибудь говорят «он рыцарь», — то это значит, что перед вами самоотверженный, великодушный и благородный человек. И вот я хочу, чтобы вы были рыцарями и хорошо относились к девочкам. Я думаю, что каждый мальчишка, пионер или октябрёнок, должен обязательно быть рыцарем. Ну-ка подымите руки, кто хочет быть рыцарем?

Мы все подняли руки.

— Я так и знал, — сказал Борис Сергеевич. — Идите, рыцари, и подумайте, как вы поздравите девочек вашего класса.

И мы пошли по домам. А по дороге Мишка сказал:

— Ладно уж, я Катюшке Точиловой конфет куплю. У меня деньги есть.

И я ему ответил:

— А я Тоне Максимовой куплю.

И вот я пришёл домой, а дома никого нет. А мне очень хотелось бежать и сейчас же купить подарок. Но у меня не было денег. Меня даже досада взяла. Вот в кои-то веки захотел быть рыцарем, и то денег нет! А тут, как назло, Мишка прибежал, запыхался, а в руках нарядная коробочка с надписью «Восьмое марта».

Мишка говорит:

— Готово! Я купил подарок. Теперь я рыцарь! За двадцать две копейки! А ты что сидишь?

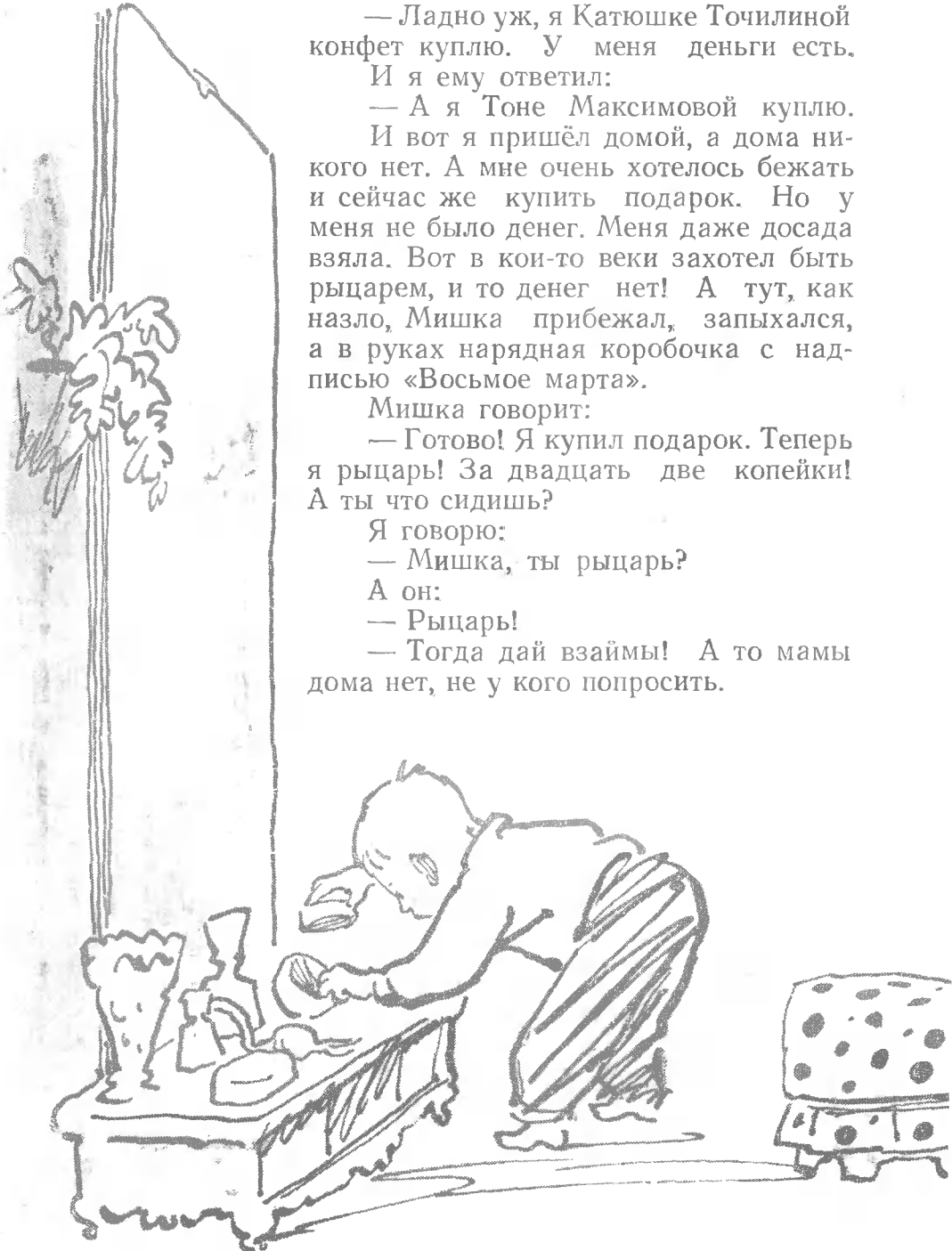
Я говорю:

— Мишка, ты рыцарь?

А он:

— Рыцарь!

— Тогда дай взаймы! А то мамы дома нет, не у кого попросить.





Мишка огорчился:

— Я всё истратил до копейки. Всё, всё.

Я говорю:

— Что же делать?

А Мишка:

— Поискать. Ведь это маленькая монетка двадцать копеек, может, завалилась куда-нибудь хоть одна! Давай поищем!

И вот мы стали искать деньги. Мы всю комнату облазили, и за шкаф глядели, и под диваном шарили, и я все мамины туфли перетряхивал, я даже в пудре у неё пальцем поковырял. Нету нигде. И тут дело дошло до буфета. Я во все чайники заглянул, а вдруг туда завалилась монетка, но ничего не было.

Вдруг Мишка говорит:

— Стой! А это что такое?

Я говорю:

— Где? Ах, это? Это бутылки! Здесь два вина! Видишь, в одной бутылке такое, почти чёрное, а в другой жёлтое. Это для гостей. К нам сегодня гости придут.

Мишка говорит:

— Всегда так! Когда надо, гости не приходят, а когда не надо, — тут как тут. Вот пришли бы ваши гости вчера, и были бы у тебя деньги!

Я говорю:

— Это как?

— А бутылки? Да за пустые бутылки хоть от боржома, хоть от чего, всегда деньги дают. На углу. Называется «Приём стеклотары». Сам видел.

Я говорю:

— Что же ты раньше молчал? Сейчас мы это дело уладим. Давай банку из-под компота. Вот она, на окне стоит.

Мишка протянул мне банку, а я открыл бутылку и вылил чёрно-красное вино в банку.

— Правильно, — сказал Мишка, — что ему делается...

— Ну, конечно, — сказал я, — а куда же вторую выливать?

— Да сюда же, — говорит Мишка, — не всё равно? И это вино, и то вино!

— Ну да, — сказал я. — Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, ещё лучше! Держи банку! Не дрожи руками!

И мы вылили туда и вторую бутылку.

Я сказал:

— Ставь её на окно. Прикрой блюдечком. Так. А теперь бежим за подарком!

И припустились.

За эти две пустые бутылки нам дали двадцать четыре копейки, и я купил конфет, как у Мишки. Но ещё две копейки сдачи дали. И я пришёл домой весёлый, потому что я стал рыцарь, и как только мама с папой пришли, я сказал:

— Мама, у нас в классе все теперь рыцари. Нас Борис Сергеевич научил. И я тоже теперь рыцарь.

Мама сказала:

— Ну-ка, расскажи!

И папа тоже стал слушать. И я им рассказал, что мы девочкам делаем подарки и будем рыцари.

И я сказал:

— А что я тебе, мама, завтра подарю, это секрет. А Тоне Максимо-вой я конфет купил!



Мама сказала:

— Молодец! А где же ты денег-то достал?

А я сказал:

— Я, мам, пустую посуду сдал. Вот две копейки сдачи.

Тут и папа сказал:

— Молодец! Давай-ка мне эти две копейки на автомат.

И мы сели обедать. Потом папа откинулся на спинку стула и сказал:

— Компотику бы!

Мама улыбнулась:

— Извини, я сегодня не успела.

Но папа подмигнул ей хитро-прехитро:

— Шутите над человеком, да? А это что? Я уже давно заметил...

И он подошёл к окну, снял блюдечко и хлебнул прямо из банки.

Ну, тут что было! Бедный папа кашлял так, будто он проглотил стакан гвоздей. Он закричал не своим голосом:

— Что это такое? Что это за отрава?

Я сказал:

— Папа, не пугайся! Это не отрава! Это вино! Это два твоих вина!

Тут папа немножко пошатнулся и побледнел:

— Какие два вина? — закричал он ещё громче.

— Чёрное и жёлтое, — сказал я, — что стояли в буфете. Ты, главное, не пугайся!

Папа подбежал к буфету и распахнул дверцы. Потом он заморгал глазами и стал растирать себе грудь. Он смотрел на меня так, как будто я был не обыкновенный мальчик, а какой-нибудь удивительный: синенький или в крапочку.

Я сказал:

— Ты что, папа, удивляешься? Я слил твои два вина в банку, а то где же бы я взял пустую посуду? Сам подумай!

Мама вскрикнула:

— Ой!!!

И упала на диван. Она стала смеяться, да так сильно, что я думал, ей плохо станет. Я ничего не мог понять. А папа,

как хлопнет дверцей буфета изо всех сил, там вся посуда звякала. Папа прошёлся по комнате и зарычал:

— Хохочете? — сказал он. — Что ж, хохочите! А между прочим, этот рыцарь скоро сведёт меня с ума! Но лучше я его выдеру, чтобы он забыл раз и навсегда свои рыцарские манеры!

И папа стал делать вид, что ищет ремень.

— Где он? — кричал папа. — Подайте мне сюда этого Айвенго! Куда он провалился?

А я был за книжным шкафом. Я уже давно был там, на всякий случай. А то папа что-то очень сильно волновался. Он кричал.

— Слыханное ли дело выливать в банку коллекционный Чёрный мускат урожая 1954 года и разбавлять его Жигулёвским пивом?!

А мама прямо кисла от смеха! Она еле-еле проговорила:

— Ведь это он... из лучших побуждений... Ведь он же... рыцарь... я... умру... от смеха...

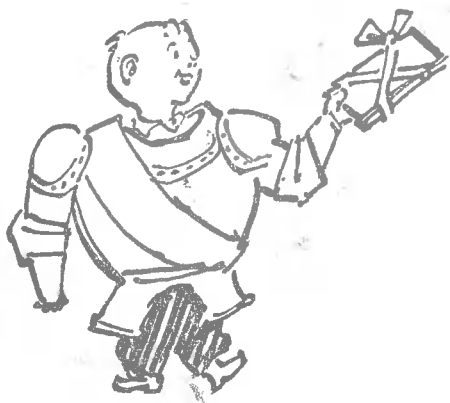
И она продолжала смеяться.

А папа ещё немного пометался по комнате, а потом ни с того ни с сего подошёл к маме и сказал:

— Как я люблю твой смех...

И наклонился и поцеловал маму.

И я тогда спокойно вылез из-за шкафа.



СОДЕРЖАНИЕ

Синий кинжал	5
Ровно 25 кило	11
Где это видано, где это слыхано?	23
Девочка на шаре	33
Расскажите мне про Сингапур	45
Поют колеса — тра-та-та	53
Рыцари	63

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Виктор Драгунский

«РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР»

Художники

М. Скобелев и А. Елисеев

Редактор Э. Степченко
Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор М. Бегичева

Подписано к печати 15/VIII — 61 г. Бумага 70 × 92¹/₁₆.

Печ. л. 4+4 вкл. Уч.-изд. л. 4,31. Тираж 250.000 экз., (3-й завод — 125.000)
Изд. № 1120. Заказ 0315. Цена 31 коп.

Издательство «ДЕТСКИЙ МИР»
Министерства культуры РСФСР

Московская типография № 4 Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза, Москва, ул. Баумана, Гарднеровский пер., д. 1а.

31 к.

